Андреев Василий Васильевич
Музей землеведения МГУ
имени М.В. Ломоносова

На трех фронтах я отвоевал с 3 апреля 1943 года по 9 мая 1945 года. В составе легкого истребительно–противотанкового артиллерийского полка прошел дорогами войны от брянских лесов до Австрии.

Все фронтовые дни тяжелы, опасны, бессонны, мокры, морозны, кровавы, изнурительны палящим солнцем. Каждая пядь нашей земли освобождалась от немецко–фашистских захватчиков с боем. И в этой череде времени трудно выделить самый–самый тяжелый день, хотя каждый фронтовик выделит из своих воспоминаний что–то наиболее памятное.

ПОЛК НА ПРЯМОЙ НАВОДКЕ

Ох, и тяжелы же были бои за Харьков в августе 1943 г. Ясно помнится ночь, когда полк занимал огневые позиции на окраине села Полевое. В селе стояла церквушка. В церкви и прилегающих к ней кирпичных строениях немцы занимали рубеж обороны и вели оттуда интенсивный пулеметный огонь по нашей пехоте. Полк получил приказ уничтожить эти огневые точки противника. Заранее командиры батарей, командир взвода артразведки Чеклов (в настоящее время живет в Москве) провели рекогносцировку, наметили места, где ставить орудия, провели расчеты для ведения стрельбы.

Назначена ночь, когда надо было выводить полк на прямую наводку. Поодаль от переднего края, в балочку, по–батарейно, ночью на автомашинах подвезли 76–мм пушки. А далее с километр–полтора к передовой катили их на себе, на солдатской силушке. В этом деле участвовали все: огневики, радисты и телефонисты, разведчики, повара, солдаты хоз. взвода. Наконец батареи заняли свои места. У орудий только боевые расчеты. А весь лишний люд, которому когда пушки стреляют нечего делать, попрятался в траншеях и ровиках, а когда огневики отстреляются, надо было выскакивать из укрытий и помогать расчетам сниматься с огневых позиций и откатывать пушки в сторону балки.

Вот тут–то и случился со мной курьез. Я сидел в ровике, а сверху, почти верхом, двое солдат. У меня почти до пояса онемели обе ноги. Я кричу: ребята, выручайте, ноги онемели. А кругом земля и воздух содрогаются от стрельбы. Когда надо было отходить, откатывать пушки, схватили меня вояки за руки и

плечи, протащили с десяток метров по земле, «любезно» приударивая пятой точкой о землю. Ноги ожили, зашевелились! Скорее к орудию!

Харьков был взят 24 августа 1943 г.

С О Н

Май 1943 г. За ночь надо было оборудовать НП (наблюдательный пункт) на опушке леса. За р. Окой село Городище, там немецкие окопы. Нас трое: сержант Васильев и рядовые – Лепский и Андреев. Сержант уже с 1942 г. в боях, а мы двое на фронте без года неделю. Один копает блиндаж, а двое таскают из леса бревна, чтобы крышу над головой в три наката устроить. Тот, кто идет с бревном впереди – бодрствует, а идущий сзади – чуть, одним глазом, на ходу придремывает. А потом «спальным местом» меняемся. Приказ был выполнен: к раннему утру НП был готов и дерном замаскирован.

П Р О В Е Р К А

В одну из ночей упомянутый Васильев охранял НП, а мы двое одним ухом спали и сквозь тревожный сон слышали отдаленные винтовочные выстрелы и разрывы снарядов. Сон был недолгим. Слышим из хода сообщения приглушенный окрик Васильева – немцы рядом! Все трое залегли, автоматы на изготовке. Я ясно вижу несколько темных фигур, по–пластунски медленно ползущих к нашему рубежу. Но вдруг темное облако на небе продвинулось далее и лунный свет ярко осветил округу и ползущие немцы враз превратились в кустики полыни, еле–еле пошевеливающиеся от легкого дуновения ветерка. Пословица права: у страха глаза велики.

Уже через несколько месяцев Алексей Васильев признался: там, на НП против с. Городище, он меня и Лепского таким образом проверил, что мы за «гуси», как поведем себя в этот момент. Он знал, что ночью эти кустики полыни напоминали ему прилипшие к земле фигуры.

10 апреля на подступах к Вене Лепский был тяжело ранен. В тот весенний день мы попали под обстрел, в шаге от меня был убит мой друг – ст.сержант Борис Степанов. А Васильева, как говорится, Бог миловал – довоевал до последнего дня войны.

З Н А М Е Н К А

Кто был на Киевском вокзале г. Москвы, обратил, наверное, внимание на табло–отправление, там значится г. Знаменка. Памятна эта Знаменка моим однополчанам, а мне особенно. Городок этот расположен по соседству с областным городом Кировоградом на правом берегу Днепра.

5 января 1944 г. сильнейшей артподготовкой под Знаменкой началось наступление на Кировоград, который был освобожден 9 января 1944 г. В ночь с 4 на 5 января я находился в одной из землянок КП (командного пункта) полка. Два кола вбиты в стенку землянки, на них ящик от снарядов, фанерка – вот и стол готов. Светильник тоже прост: гильза от снаряда к 45 мм пушке: сверху сплюснута, сбоку–сверху пробито отверстие диаметром с карандаш. В сплюснутую щель вставлена полоска шинельной ткани, горючее – бензин с солью, отверстие замазано мякишем хлеба. В землянке тепло, светло и мухи не кусают – благодать. Но на фронте так: миг и улетела благодать, испарилась.

В эту ночь случилось непредвиденное. В землянке нас трое: капитан Никулин, я и связист Кузя Куприянов. К слову сказать, он был такой грамотей, что на его вещмешке красовалась фамилия – Куприяноф. Капитан дает мне задание. С топографической карты, где указаны цели на немецких рубежах, по которым рано утром будут стрелять батареи нашего полка, сделать несколько калек с координатами для ведения огня каждой батареей. Ночью с батарей придут на КП связные и получат свои кальки с координатами. Пока я занят своим делом, капитал что–то обдумывает, склонившись над оперативной картой, переговаривает по телефону с батареями, дивизионами. Иногда Кузя шумит в телефонную трубку: румба, рубма, я – факел, как слышишь?

Я как–то зацепил светильник, он упал на стол, и перед моим лицом взметнулось пламя. Выручило то, что шинель моя не была одета в рукава, а наброшена на плечи. Шинелью я покрыл стол, все погасло. Слышу из темноты встревоженный голос Никулина: «Как карта?» В моем сознании стучит–гудит тот же вопрос: карта, карта…На ощупь нахожу на дне блиндажа светильник–гильзу, протираю его выдернутой из сапога портянкой, потряхиваю, чувствую, что пролилось чуть–чуть. Зажигаю и с дрожью во всем теле смотрю на стол, на карту. Обгорел только уголок, поле листа карты. Облегченно вздохнул капитан. К назначенному часу он проверил цели, подписал кальки и вручил их пришедшим с батарей связным. Эта ночь была для меня страшнее любой бомбежки. В 5 часов утра орудия всех калибров обрушили огонь на врага, а я в траншее приводил свои нервы в порядок, обтираясь снегом до пояса.